

Пётр Яковлевич Ранн

милетнюю школу бывшего Пудинского района. Но это уже другая история. Мы отметили золотую свадьбу в Германии, где живём с 1998 года. У нас три дочери, 6 внуков и правнук.

После окончания школы я трудился ещё 50 лет. Из них 11 лет в школе и 37 - в Томском педагогическом университете.

A. Detter

Гамбург, 21.06.03

Пётр Яковлевич Ранн.
Спецпереселенец. Пенсионер.
Ветеран труда.

(с. Каргасок)

...Весной 1935 года, в мае месяце, пришёл пароход «Лебедь». Нас всех, старушек и детей погрузили и отправились вверх по Васюгану. Часть людей оставалась жить на месте, переселением командовала комендатура, она решала, кого оставлять, кого переселять, а кого в тюрьму. Ещё в 1934-1935 годах многих мужиков забрали, ночью приедут и к утру их нет, только слышны крики и слёзы жён и детей. По пути останавливались, высаживали намеченные семьи, женщин, детей на берег. П. Берёзовка - 12 участок, дальше 13 участок, 14 участок и 15 участок - Дальний Яр

Семья Рани до высылки. 1928 год. Алтай.

возле Айполово, где жили народы Севера, старожилы. Потом Волково-16 участок. «Путь Севера»-17 участок. Там высадили наших земляков - Гембух, Винс и ещё несколько семей. Выше Огнев Яр - 18 участок, Ершовка-19 участок, Медведка-20 участок, Могутаево- старожилы, Андриюшкино- старожилы, Увал- старожилы, Малиновка-21 участок, Майск- 22 участок, Каменный-23 участок, наконец Елизаровка - старожилы. На другой стороне Васюгана пароход остановился. Наш черёд выгружаться, нас встречали мужчины, матери, сёстры и братья, которые были вывезены раньше. От берега Васюгана-реки до будущего посёлка семь километров шла узкая конная дорога, прорубленная по густому лесу, и мы отправились по ней, комара страсть, невоготу. Мне пошёл тогда девятый год, мы, малыши, устали. Старшие нас посадили

на спину и несли до места будущего страдания. Пароход задом зашёл у устья Елизаровки-речки и поплыл вниз по Васюгану, дав прощальный гудок

Пришли мы на место жительства – раскорчёванное место под основание посёлка. Стали строить дома-двухквартирники, девять на шесть, на две семьи, а временное жильё готовили так: устанавливали стропила, обшивали жердями, накрывали берестом и дёрном, по середине выкопанная яма, в ней горел костёр для обогрева, летом было и так тепло, а потом? Готовили лес, возили на лошадях на место строительства, к козлам, где распиливали пиломатериал продольной пилой, женщины шкурили и готовили мох. Вся работа делалась за паёк: 600 граммов рабочим, 300 граммов детям, подросткам - хлебом. Мука была завезена по зимнику и уложена под крышей. Мама сторожила ночью, другая женщина днём. Снова в пищу пришлось употреблять крапиву, медунки, трёхлистку, кислянку, к нашему счастью, черемша росла, хоть литовкой коси. Чай заваривали «Ванька-чай», смородинник, малинник. И так во временном жильё пришлось жить у костра в шалаше, где нас было поселено шесть семей без мужиков, матери с детьми, которые ещё остались в живых. К новому году нам построили дома из стлыго леса. Мама наготовила кирпич-сырец, я ей помогал. Три сестры и брат на работе с темна дотемна, весь день, о выходных и не мечтали. Печь мама сложила, сделали полати из жердей, повыше, там спали. Постели не было, веток наложили на них и спали, стола нет, скамеек нет, когда печка высохла, стала немного обогревать комнату, кругом и сверху потолка стало всё оттаивать, сырость на нас бежала, все вымокли, пола не было, стылая земля, всё заледенело, ещё хуже как в шалаше. Печку топили и день, и ночь, дрова сырые, стылые, в таком виде мы встретили Новый год - 1936.

Весной лопатами раскопали раскорчёванную целину, небольшой огородчик, картошку собирали у старожилов п. Елиза-

ровка, которая от нас 7 километров, п.Барнаулка, 12 километров, п.Шмаковка, 18 километров. Так начали разводить картофель, на семена берегли, кушать не пришлось. А деньги мы в глаза не видели, купить не на что, за работу паёк и весь расчёт. Часть людей оставалась на строительстве скотных дворов, лошади зимовали в конюшне (успели, построили летом). Часть людей отправляли на покос в сторону Барнаулки, в 9 километров от нас. Мне приходилось верхом на лошади продукты покосникам возить в двух мешках, через спину связывали, меня посадят и поехал до места. На покосе мешки снимут, и поехал обратно. Когда начали строить дворы коровам, овечкам, объявили, что будет колхоз «Парижская Коммуна». Часть людей корчевали лес, сжигали всё, что мешало пахоте, следом пахали целину на тройке, готовили поля под посев. В 1936 году осенью у старожилов отбирали коров, овец и лошадей (они жили на другой стороне Васюгана) и переплавляли к нам на зиму коров, нетелей, овец и несколько лошадей. Так организовывались колхозы в верховьях Васюгана. Ещё выше по Васюгану, дальше п. Шмаковка, были посёлки старожилов Нижний Петряк и Верхний Петряк, селения небольшие были объединены в один колхоз. Сельский совет и почта были в п.Шмаковка, селение большое было, а в скорое время сельский совет, почту, связь и комендатуру с комендантом работать перевели в Майск. Ярославцев Иван Иванович комендантом, милиционером Тиванов Алексей Степанович. Это была власть на весь речной район от Увала до Петряков. От п. Елизаровки в сторону леса по речке Елизаровке был заселённый спецпереселенцами 25 участок - п. Весёлый, наш Берёзовка, - 24 участок. В п. Весёлый население было большое, организовали три колхоза, в Майске тоже большое население, организовали четыре колхоза. Все эти люди были повторно высланы от Нового Васюгана и до конца реки Васюган.

В этом 1936 году от голода и холода замёрзла на дороге сестра Катя. После работы пошла в Елизаровку игрушки детские

(я вырезал из осины петушки, курочки, голубей, белок) менять на картошку или репку, кто что даст, возвращалась домой, но не дошла. Таких случаев было много, умирали от голода и холода в первую зиму много, но такого ужаса, как в 1931 году, не было, по-видимому, привыкли к климату после алтайских степей

Строительство велось активно, достраивали жилые дома, стелили полы и т.д. В 1936-1937 годах построили детские ясли, контору большую, где находился клуб. Начали строить школу, такую как Нейгальштадте (Тевриз). 1936-1937 г.г. открыли школу в бараке, где раньше жили люди, в школу пошли все ребята, которые не доучили свои классы, тетрадей и карандашей не было. Мы готовили берестяные листы, обжигали круглые палочки, ими писали необходимое, в основном учились устно, изучали русский язык, арифметику, таблицу умножения и деление. Учителями были Клинг Данил Данилович и Хилькевич Александр Иванович. Учили в две смены, учеников было около восьмидесяти, учебников мало, на четыре ученика один учебник. Дрова готовили старшие ребята, а мы, малыши, складывали. Раз в неделю урок физкультуры. На этом уроке готовили дрова, чтобы истопить печь в этом бараке.

В 1937 году, зимой, «чёрный ворон» своими когтями забрал 24 мужика. В 1938 г., зимой, сделали подчистку ещё 12 мужиков, остались самые старшие 24-25 лет. Забрали председателя колхоза Черкасова М. и учителя Клинга Д.Д. Учителя до Нового Васюгана догнали этапом и отпустили его домой пешком, потому что не было учителя, у нас снова стало два учителя, в июне с горем пополам закончили свои классы. Постепенно вспаханные поля засеивались рожью, овсом, ячменём, горохом. Нас, ребятешек меньших, собирали на прополку хлебов, старших – на заготовку пихтовой лапки, берёсты, скот пасли, овец и т.д. В эти годы установлены были пихтовые и дегтярные заводы, на всё планы: выполняй, не выполнил, знай, что будет, это знали от малого до

старшего. В районе образовался Лесхимсоюз. Он ведал этими заводами по всем колхозам. А старожилы занимались посевами зерновых, чтобы обеспечить хлебом и семенами все посёлки сельсовета Майский, пять посёлков в нём. Мельница была построена водяная по речке Елизаровке. У них полей было много, и хорошие получали урожаи. Они, старожилы, заезжали до революции от Петряков, через болото в 50 километров, с Киштовского района из разных посёлков.

К 1938 году построили школу, учебный год начался в новой школе, появились тетради, карандаши, ручки, чернила, учебники, учиться стало интересней. Старшие окончили 4 класса, летом их посылали на работу. Построили магазин, грузы завозили на лодках по 3,5 тонн, которые были сделаны на месте, на гребнях и шестах, с Майска по речке Коровы, которая вся была завалена лесом, завалы были от посёлка до устья, её очистили и тогда завозили грузы, молотилку, веялку. Осенью хлеба убирали: серпами рожь, яровые скашивали литовками с грабками, связывали в снопы, составляли в сулоны, сваживали сухие сулоны на бричке на ток, где укладывали в скирды. После уборки зерновых молотили и веяли, сушили зерно, сдавали в госпоставки, засыпали семена на будущий посев. Как организовали колхозы, паёк отменили, стали трудодни (палочки), на них получали копеечки и отходы от провеянного зерна. Плановые налоги, госпоставки зерна, масла, мяса, шерсть и яйцо, куриц (завезли до войны), а также и свиней. Выходных не было, в свободную минуту люди стремились на зиму готовить: грибы солить, колбу (черемшу) и ягоду сушили, кедровый орех, немного стали накапывать картошку. Таким образом, жизнь людей улучшалась, меньше стало смертности. В магазине появились керосиновые лампы, керосин, до этого светились лучинками, на ферме освещались изготовленными самими «летучими мышами», фонарей не было. Наступил 1939-40 год. Мы пошли в четвёртый класс, все ребята думали скорее закончить и

на работу, не засиживаться в школе. В октябре Александра Ивановича взяли в армию, в декабре Данилу Даниловича и ещё несколько мужиков и двух женщин ночью забрали и угнали. Так мы остались без учителей. Данила Данилович дорогой умер, ему был 61 год. Так не дошёл до Нового Васюгана, умер своей смертью, не успели расстрелять. Что осталось в памяти? В 3 и 4 классах учили историю СССР, в эти годы заставляли клеивать фотографии Блюхера, Троцкого, Кирова(ушли из жизни). Прошло месяца полтора и к нам прислали 17 летнего учителя из Майска, он окончил семь классов, звали его Борисов Борис Николаевич, с ним мы закончили 4 класс. Нас было 22 ученика, ещё немного учеников в 3 и 2 классах, 1 не было, потому что во время переселения малыши умерли. В эту зиму сбежали несколько человек за болото, от Петряков и 50 километров болотом в Киштовский район и на родину добрались в Алтайский край. С ними сбежал колхозный сапожник Финк А. Я. После окончания школы меня заставили сапожничать, латать обувь рабочим, без сапожника невозможно было посылать на работу, все босые. В магазине были обутики - сапоги кирзовые, ботинки кирзовые для взрослых, были ткани, а шитой одежды завозили редко, шили сами вручную. Надо отметить и задать вопрос: «Почему в 1940 году все обутики для взрослых и ткани вывезли?» На прилавках осталась только детская обувь. Появились мысли у людей, что будет война, а какая и с кем, в то время никто не знал, радио не было.

Что интересно, людей, которые сбежали на следующую зиму, пригнали этапом с Алтая в Берёзовку. Убегали не только с нашего посёлка и с других деревень тоже. Увеличивали подоходный налог, бездетный - 150 рублей от 18 лет на год, налог на мясо - 46 кг, масло топлёное - 12 кг, свиную шкуру, овчина - полторы шкуры. Есть скот, нет - облагали всех. Кто к новому году не рассчитался с поставками, удерживали из заработка после отчётного года. В течение всего года выдавали аванс один раз в месяц, кому три,

пять, десять рублей, больше не давали. Многие оставались в долгу после расчёта, снова жди аванс, живи и работай, зерно делили на трудодни, это было охвостье - спорынья и негодное зерно к сдаче в госпоставки. Благодаря тому, что были пихтовые заводы и богатые пихтовые массивы и масло пихтовое имело высокий процент камфары, за это Лесхимсоюз оплачивал дополнительно колхозам. Таким образом, появлялись дополнительные деньги, кроме стоимости пихтового масла. Жизнь стала немного направляться, раскорчёванные и раскопанные огороды стали приносить плоды, с дикоросами ознакомились, грибы, ягоды сами сушили. Готовили на зиму орех.

В 1941 году пришла весть, что началась война, все в панику, снова горе, муки, голод, холод, вдвойне работать, не успели одуматься с тех пересылок, и снова несчастье. Беда пришла и в дома старожилов: осенью 1941г забрали всех мужиков на фронт, оставался только председатель и бригадир по брони. Лошадей годных в конницу забрали, после чего пришлось запрягать взамен лошади быков и коров. Мужская работа легла на плечи женщин, девочек и парнишек малолетних, работавших с темна до темна. Работали без выходных.

Меня направили на пихтовый завод, старшая сестра была гонщиком, а младшая - на заготовке пихтовой лапки, и я с ней лазил. Обрубал ветки, спускал на землю, сестра ломала лапки 30-40 см, не длинше. Вязанки наломаем и связываем верёвкой вдвое и поперёк, наденешь как рюкзак, лёжа на спине, друг другу помогаем вставать и несём до завода, бывало, - полтора километра. Лошадь для подвозки держать невозможно: негде было пасти и косить траву. Так носили вязанки до завода, там взвешивают, в кучу укладывают. Дрова пилили 75 см длиной, кололи и носили к заводу. Пихтовый завод работал круглые сутки, было три гонщика, они работали посменно. Вечером мастер завода начисляет за проделанную работу: за килограмм пихтовой лапки, кубоме-

тров напиленных дров на месте отоваривали за трудовень мукой. Хлеба не было, делали, кто «заваруху», кто лепёшки – так и питались. Жили в бараке: с обеих сторон нары, не было постели; так рабочие спали, вернее, отдыхали от рабочего дня. Пихтовый завод стоял в 12 километрах от посёлка. Муку завозили зимой на лошади. Мука была засыпана в большой ящик, сбитый из досок (ларь), без замка. Никто не трогал, крючков, замков не знали в те годы. В апреле 1942 года мастера сняли и меня назначили мастером на пихтовый завод, работы все изучил. С начислением был знаком. В этом 1942 году весной мужчин-спецпереселенцев с 18 лет и старше освобождали от комендатуры и забирали на фронт по всем посёлкам, немцев не брали, тогда мы узнали, что война с Германией.

Весной 1943 года, в конце марта, приехал из Нового Васюгана к нам инженер по рыбодобыче Овчинников А. Е., он вербовал по посёлкам рабочих для рыбной ловли. Вербовка была не по желанию, а по спискам комендатуры. В Новом Васюгане был рыбозавод. Его директором был Бузановский И. В., а работали на нём «черноморцы» – эвакуированные специалисты по рыбодобыче. Из нашего посёлка по списку направили около 36 человек. Шли пешком до Нового Васюгана, у кого какие были вещи и продукты, сложили на санки и отправились в путь-дорожку от посёлка до посёлка, расстояние между ними было, где 25 км, а где 40 и больше километров. На восьмой день прибыли в Новый Ввсюган, нас поселили в один дом ночевать. Наутро мы отправились в контору рыбозавода, там нас распределили кого куда, выдали паёк на дорогу. Меня и 8 женщин направили в Катальгу, снова в путь, ещё 89 километров до места. Как несовершеннолетнему мне выдали детский паёк - 300 граммов хлеба, старшим по 500 граммов. Я директору Бузановскому рассказывал, что три года работал в колхозе самостоятельно, и женщины доказывали, а он - нет и всё. Правда, написал направление начальнику Катальгского рыбучастка Сосн-

лятину П. Я., где в конце пишет: «Дай Ранну П. Я. двух женщин, если заготовят 300 штук клёпки, а он вытешет, тогда выдайте ему полный паёк.» На третий день дошли до речки Каталъга и ужаснулись: она была залита водой. Вырубили палку, чтобы смерить глубину и крепость льда. Я с палкой пошёл вперёд, а женщины санки взяли на руки и за мной. Воды надо льдом посредине до пояса, ширина метров пятнадцать. На берег выбрались, обутки и одежду выжали и пошли мы так мокрые до места, а уже темно. Было это 13 апреля, сёстрам говорю: «Сегодня у мамы день рождения, вот и мы отметили его!» Дошли до посёлка, спросили, где живёт начальник участка Александр Макарович, нам указали, я зашёл. Отдал ему направление, он его прочитал и спросил, чем занимался в колхозе, я ему ответил, что два года сапожничал и последний год мастерил на пихтовом заводе. Второпях он жене сказал: «Пусть переоденется и накорми его». Сам пошёл устраивать женщин в избушку, там была печь, переоделись и легли отдыхать. Прошли 30 километров «последним путём», дорогу развезло, тяжело было идти пешком. Когда Александр Макарович пришёл домой, мне сказал: «Будешь жить у нас, откуда тебя бог послал! Ведь мы все разутые, обутки все износились, да и рыбаки три бригады - их тоже надо обуть». Паёк выдали полный. Ящичек с сапожным инструментом я взял с собой. Дело стало за колодками на ботинки и чирки всякого размера. Начальник говорит: «Где взять?» Я ему ответил, что сделаю сам, какие надо будут колодки.

В посёлке Каталъга бригадиром Гослова был Харчевников К. Первым делом я починял и обшивал рыбаков в этой бригаде, потом на обласке увезли меня в Фролы, 25 километров ниже по Васюгану, где бригадиром был Шашель Г. С. Там обул всех рыбаков и рабочих на засольном пункте. С Фролов меня на обласке повезли в Пестово, от Каталъги 30 километров, где бригадиром был Цыганков Ф. С. Там тоже всем рыбакам и рабочим починял и обшивал. Бригадиры Гослова были по брони, их на фронт не бра-

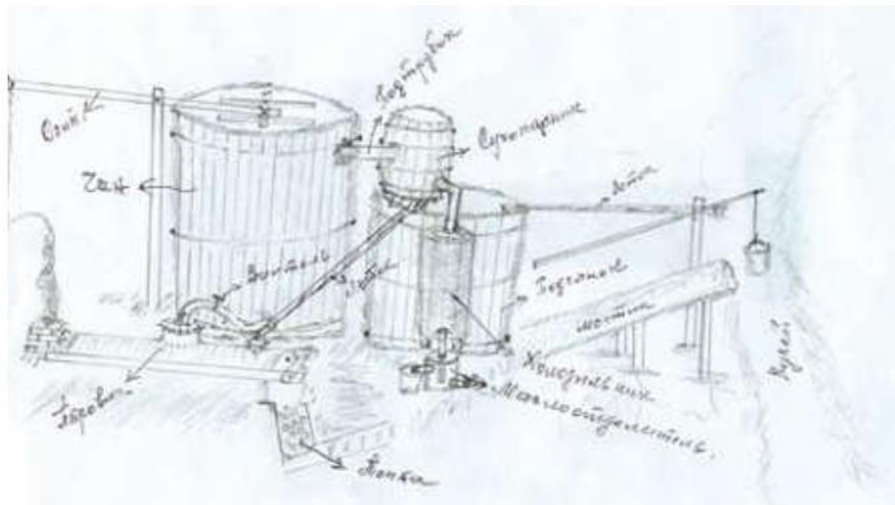

ли, все бригадиры считались военнообязанными. Возле засольно-приёмного пункта висели плакаты «Каждый чебак - удар по врагу!». Утром при отъезде на рыбалку проверяли, чтобы с собой не брали котелки, соль, чтобы не смогли рыбу сварить, хлеба получали по 500 граммов. Были установлены нормы вылова рыбы каждому рыбаку, планы выполняли и перевыполняли, за этим следили уполномоченные по посёлкам и бригадам. Зам. директора рыбозавода Щепёткин Андрей Полуэктович строгий был – ужас, только рыбаков и рабочих пугал, что посадит, если не делают план. За брань, если кто поругал чиновника, давали срок от 5 до 10 лет судимости. Так нам, горемычным спецпереселенцам, пришлось переживать третью судьбу нелюдскую. На новом месте вербованные были со всех посёлков с верховья Васюгана, где не было водоёмов, речек и озёрьев для рыбалки. Летом косили сено для лошадей рыбоучастка на зиму, лошадей передали мне, стал конюшить и продолжать шить чирки рыбакам к зиме, голенища пришивали из мешковины. Кожи не было, привезли с собой «черноморцы» морские бахилы рыбацкие, они были сшиты из верблюжьей кожи, их порол, кроил и шил головки-чирки. У старожилов собирали полушубки, подушки, одеяла, зипуны самотканые из толстой шерстяной нитки, всё без денег, всё для фронта. В этом 1943 году на фронт забрали последних трёх мужиков, остались в деревне два старика и женщины с детьми. Катальга - посёлок небольшой, 32 двора, из каждого дома уходили на фронт, всего 36 человек, а вернулось только 2, из них один прожил год и умер от ран.

В 1944 году, в мае, весна была ранняя, пришла «Тара», пароход ходил до Нового Васюгана, обратным путём по деревням собирал мужиков, парней, набралось 42 человека с нашего района. Довезли нас до Томска, на пути всё собирали в трудармию, доехали, нас выстроили, повели по Крестьянской улице, второй дом от моста через Ушайку в подвал. Там уже прибыли с Александр

ровского района, нас оказалось 102 человека, топчаны наставлены друг возле друга, с трёх тесин сбитые на ножках, и подушка деревянная. Дорогой нас кормили по 500 граммов хлеба и вода. На место прибытия паёк так остался 500 граммов...

Пихтовый завод

Принцип работы:

1. Паровик заполняется водой 2,5 тонны
2. В топку накладывают дрова 0,75 м. длиной
3. В чан загружают пихтолапку 2,5 тонны
4. Очипом крышку закрывают и открывают.
5. Вентиль открывается, пар идёт в чан
6. Из чана, по патрубку, пар идёт в сухопарник
7. Подчанок заполнен холодной водой
8. Из сухопарника пар попадает в двухстенный холодильник и охлаждается
9. Из холодильника жидкость вытекает в маслоотделитель

10. В маслоотделителе вода опускается вниз, масло поднимается вверх, и по трубке вытекает в ведро, из ведра выливают в бочку.

Топят пихтозавод 24 часа в сутки. Крышку чана плотно замазывают глиной, перед открытием крышки глину отковыривают, собирают в ведра для следующей замазки, т. к. глина впитывает много пара.

Крышку чана открывают очипом за верёвку 2-3 человека, и кладут на крышу, которая сделана над паровиком. Чан вышиной 3,5 метра, шириной 3 метра.

Добыча пихтолапки

Иллюстрации автора.

Первую часть воспоминаний П. Я. Ранн см. сб. «Прощение и память» 2008: г. Томск.